

Госпожа Ли

Никто не привязывается к людям сильнее, чем зубные врачи и адвокаты. К человеку, вернее сказать, к клиенту они прикипают, как клещ к месту укуса. Впрочем, зубные врачи если не бескорыстней, то преданней. Адвокат будет вас любить, пока не разденет до нитки. Как только с вас опадёт последний лоскут одежды, его интерес к вам мгновенно улетучится. Стоматолог же нипочем не расстанется с вами до тех пор, пока за вас платит больничная касса. Если вы не способны одарить его заказом на керамическую челюсть, он, скрепя сердце, согласится на заурядный кариес. Вынашивая мечту осчастливить вас зубным мостом, он, в конечном счёте, не откажется удалить вам зубной камень. Стоматологи поразительны в своей противоречивости. Они восторгаются людьми с хорошими зубами, но любят людей с плохими. Они, как преданные жёны, лелеют в душе недостижимый идеал, сталкиваясь изо дня в день с ничем не примечательным убожеством и его ничтожными проблемами.

Моим германским зубным врачом стала, как ни удивительно, китаянка со звучным именем Ли Чанг. В Германии она оказалась выйдя замуж за венгра. Не спрашивайте меня, почему китаянке нужно выйти замуж за венгра, чтобы оказаться в Германии – я и сам в этом ничего не понимаю. Но когда китаянка лечит зубы еврею, это и называется глобализацией. Выбрал я именно её по вполне понятной причине: её зубокабинет располагался ближе остальных к моему дому. Судя по звучанию, госпожа Ли Чанг предпочла сохранить своё китайское имя и фамилию неприкосновенными от фонетических посягательств венгерских корней супруга. Муж её, к слову сказать, работал в той же клинике вторым врачом. Он был на пять лет моложе и на две головы выше своей миниатюрной жены, обладал незаурядной внешностью, и в том, как эта хрупкая, не слишком молодая и не очень красивая женщина прибрала его к рукам, ощущалась некая буддийская тайна с примесью дальневосточного колдовства. Силу этого колдовства я испытал на себе, сидя в зубокабинетном кресле в её кабинете, когда госпожа Ли мелко пританцовывающей походкой вошла в него, склонилась надо мной и поющим голосом велела мне открыть рот. Рот мой открылся сам по себе, повинаясь не столько моей воле, сколько её приказу. Маленькая госпожа Ли заглянула в него, рискуя провалиться туда целиком, что-то долго выискивала и выстукивала металлической ложечкой и, наконец, вынырнув оттуда, объявила:

- Калиес.
- Что, простите? – не понял я.
- В низнем зубе – калиес.
- Может быть, – согласился я.
- Вы, навелно, любите сладкое? – поинтересовалась она.
- Терпеть не могу.
- Напласно.
- Почему? – удивился я, меньше всего ожидая услышать такое от зубного врача.

Госпожа Ли улыбнулась, мечтательно сощурила и без того узенькие глаза и нежно, нараспев, протянула:

- Вкуусно...

Затем взяла в руки бормашину, насадила на неё сверло и проговорила всё с той же поющей интонацией:

– Откльывайте лот. Будем лецить.

Бормашина зажужжала. Ещё никогда визгливый звук её так не диссонировал с голосом дантиста. Они были словно „инь” и „ян”, слившиеся в едином процессе, в благородном поединке с коварным врагом кариесом, укрывшимся в крепости моего больного зуба. Наконец, бормашина умолкла, металлическая ложечка, звякнув, в последний раз коснулась заполненного дупла, запечатлев на нём пломбу, и нежный голосок госпожи Ли возвестил:

– Мозете сплюнуть.

Я послушно сплюнул.

– Плидете целез тли дня, – распорядилась госпожа Ли.

– Зачем? – спросил я.

– Будем лецить дальсе. – госпожа Ли заглянула мне в глаза и, расплывшись в цветущей, как лотос, улыбке, пояснила: – Калиес.

За время нашего знакомства госпожа Ли при помощи китайских заклинаний и немецкой бормашины изгнала кариес из шести моих зубов. Когда заклинания не действовали, она изгоняла изо рта зубы, лишив меня семи, включая все зубы мудрости.

– Вот, – печально проговорил я, расставаясь с последним, – теперь я стану идиотом.

– Пацему? – поинтересовалась госпожа Ли.

– Вы же мне все зубья мудрости поудаляли!

Госпожа Ли плавно, точно под неслышимую музыку, покачала головой:

– В зубах мудлости нет.

– А что в них есть? – спросил я.

– Калиес.

– А в чём мудрость?

Честно говоря, я ожидал услышать в ответ нечто буддистки-парадоксальное, вроде того, что мудрость находится в районе пупка или скрывается в ногте большого пальца. Но госпожа Ли ответила ещё парадоксальней, точнее сказать, нелепей:

– Кусайте побольше сладкого.

– Зачем? – торопел я.

Её глаза, как обычно, превратились в щёлочки, а рот растянулся в улыбке и пропел:

– Вкууусно.

Госпожа Ли за эти годы совершенно не переменилась внешне, чего нельзя было сказать о её муже. Молодой красивый высокий венгр явно постарел, подурнел и даже сделался как будто ниже ростом. Между ним и его женой по-прежнему существовала невидимая, но осязаемая связь, подчиняющая с одной стороны и полностью подчинённая с другой. Однажды, придя лечить очередной зуб, я оказался не в привычном кабинете госпожи Ли, а в соседнем, где священнодействовал её супруг, венгерский отпрыск Европейского Союза.

– Ну-с, – деловито сказал он, – посмотрим, что там у вас. Откройте рот пошире.

Мне вдруг стало скучно. Визит к зубному в одночасье превратился из мистерики в заурядную и не слишком приятную процедуру.

– А где госпожа Ли? – поинтересовался я.

– Болеет, – нахмурившись ответил её муж. – Да вы не беспокойтесь, я дипломированный стоматолог и отлично знаю свое дело.

От этих слов мне стало ещё скучнее.

– А что с ней? – спросил я. – Простудилась?

– Да нет... – венгр замялся, а затем выпалил решительно и даже как-то зло: – Зубы болят. Ведь говорил же ей, ведь умолял её: „Чанг, не ешь так много сладкого, ты же зубной врач, ты же должна понимать”. Нет, только и знает что „вкусно”. Эти китайцы – как дети, честное слово. Когда они, как сейчас любят прогнозировать, будут править миром, имейте в виду, что нами правят дети.

– А приятно подчиняться детям? – неожиданно спросил я.

– Подчиняться вообще никому не приятно, – отчеканил венгр. – И довольно об этом. Откройте рот и молчите.

Он быстро, умело и совершенно небольно просверлил и запломбировал мне два зуба, сосредоточенно глядя мне в рот и не говоря ни слова. Лишь в самом конце проронил:

– Вот и всё. Можете прополоскать рот и сплюнуть.

– Спасибо, – сказал я. – Когда мне снова приходиться?

Венгр пожал плечами.

– Когда заболит, тогда и приходите. У вас были не в порядке два зуба, я их вылечил. Других аномалий я пока не наблюдаю.

– Доктор, а что у меня было с этими двумя зубами? – с какой-то непонятной и даже глупой надеждой спросил я.

– Как что? Кариес, естественно.

– Кариес, – поправил его я.

– Что, простите?

– Да нет, ничего.

– Вот и отлично. И мой вам совет – не ешьте сладкого. Оно отвратительно воздействует на зубы.

– А я люблю сладкое, – сказал я.

– Тогда выбирайте – либо бессмысленное потакание своим слабостям, либо нормальные здоровые зубы.

– Я подумаю, – пообещал я. – Передайте, пожалуйста, от меня привет госпоже Ли.

– Передам, – мрачно буркнул венгр. – Ещё один совет, если позволите: никогда не ставьте экзотику выше компетентности. Вы из какой страны?

– Из Украины.

– Хм... Украина – это Россия?

– Украина – это Украина.

– Две сумасшедшие страны, – заявил стоматолог.

– Какие? Украина и Россия?

– Россия и Китай. Не дай Бог, если...

– Что поделать, доктор, – вздохнул я. – Мне всегда нравились так называемые сумасшедшие. А вам разве нет?

– Оставим этот разговор, – махнул рукою венгр.

– Оставим, – согласился я. – Так мне в ближайшее время можно не приходиться?

– Если вы не собираетесь напрямик отсюда податься в магазин, купить коробку шоколадных конфет и слопать её в один присест – можете не приходиться. До свидания.

Больше года я не появлялся в китайско-венгерской зубоврачебной практике, где компетентность подчинённо соседствовали с экзотикой. За это время я по какой-то нелепой прихоти пристрастился к шоколаду, карамелькам и прочим сладостям. В конце концов, у меня зверски разболелся зуб, и я снова оказался в стоматологическом кресле. В кабинет всё той же легкой танцующей походкой вошла госпожа Ли.

– Здравствуйте! – обрадовано сказала она. – Сто, зубы болят?

– Болят, – попытавшись улыбнуться, ответил я. – А у вас?

– Бывает, сто болят, а бывает, сто не болят, – ответила госпожа Ли. – Откройте лот.

Я открыл. Она, как бывало, чуть ли не занырнула в него, а затем, вынырнув, заговорщицки подмигнула мне и осведомилась:

– Кусали соколад?

– Шоколад, – подтвердил я.

– Вкусно?

] – Очень вкусно. А что у меня с зубом?

Госпожа Ли распустила на губах улыбку и тонко-тонко, нежно-нежно пропела:

– Калиес.

И чернеющее дупло в моём больном зубе, кажется, пропело ей в ответ.

Михаил ЮДОВСКИЙ.